

18+

БУДУЩЕЕ В ТЕБЕ

NEIN ZUM
FASCHISMUS

Schwarze Juden
sind zur Zeit verboten

droht

ГЕОРГИЙ КРАВЧУК

Георгий Кравчук

Будущее в тебе

«Издательские решения»

Кравчук Г.

Будущее в тебе / Г. Кравчук — «Издательские решения»,

Пусть эта книга станет маленьким напоминанием о том, что даже в самые тёмные времена внутри каждого из нас живёт свет, который невозможно погасить. И пока мы помним — мы живы. Это произведение является вымышленным от начала и до конца. Все персонажи, события и ситуации в нем — результат воображения автора. Любые совпадения с реальными людьми, живыми или мертвыми, событиями или местами являются случайными

© Кравчук Г.

© Издательские решения

Содержание

I ЧАСТЬ. ПРОБУЖДЕНИЕ	6
Глава 1. пригород Мюнхена	6
Глава 2. Казармы вермахта	8
Глава 3. Маленький городок под Ландсхутом	10
Глава 4. Прощание	13
Глава 5. Цюрих, Швейцария	14
Глава 6. Возвращение	15
II ЧАСТЬ. СОПРОТИВЛЕНИЕ	16
Глава 7. 14:00, центральная площадь Ландсхута. Дождь	16
Глава 8. Германия, окраина городка под Ландсхутом	17
Глава 9. Ханна	18
Глава 10. Ночь. Третий час. Окраина городка	20
Глава 11. Изобилие	21
Глава 12. Чувства	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Будущее в тебе

Георгий Кравчук

© Георгий Кравчук, 2026

ISBN 978-5-0070-6990-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Обращение к читателям

Дорогой читатель,

Ты держишь в руках книгу, которая не была бы написана, если бы я не понял одну простую вещь: мы привыкли думать, что история делается великими людьми. Генералами, политиками, президентами. Но на самом деле историю меняют обычные люди, которые в какой-то момент говорят «нет». Нет лжи, нет страху, нет системе, которая давит на них.

Франц и Ханна — вымышленные герои, но их путь — это путь тысяч реальных людей, которые жили в нацистской Германии и не сдались. Они не все дожили до победы, но их борьба дала нам право сегодня говорить о свободе как о чём-то само собой разумеющемся. Мы платим за эту свободу высокую цену — она требует от нас мужества, честности и готовности идти до конца.

Я пишу эту книгу для того, чтобы напомнить: путь к свободе всегда начинается с одного человека. С того, кто отказывается сдаваться.

Неважно, сколько вам лет, где вы живёте и что у вас за спиной. Важно только одно: готовы ли вы сказать правду, даже если она обжигает? Готовы ли вы защищать своё человеческое достоинство, когда вокруг рушится мир?

Если да — то вы уже герой.

С уважением и верой в вас,

Георгий Кравчук

І ЧАСТЬ. ПРОБУЖДЕНИЕ

Глава 1. пригород Мюнхена

Май 1936 года

Парень по имени Франц проснулся сегодня с тяжёлым сердцем. Утро началось как обычно: пробежка в составе взвода по плацу, скудный завтрак в казарме — эрзац-кофе и кусок хлеба с маргарином. Он служит в 221-м пехотном полку, расквартированном в городе. Армия ему нравится, чувство локтя и дисциплина давали ощущение порядка в мире, который всё больше напоминал дурной сон.

Пришло время выборов. Вернее, как объяснил офицер, «всенародного референдума», на котором народ скажет «Да» фюреру и его политике. Франц никогда не интересовался политикой, но служил с радостью и, если бы спросили, ничего плохого о Гитлере не сказал бы. Родители говорили: «Фюрер дал нам работу и хлеб».

Но сегодня утром что-то внутри него сжалось. Голос внутри шептал: «Не голосуй за Гитлера». Почему?

Может быть, потому что на построении командир отделения сказал, усмехаясь в прокуренные усы:

— Запомните, орлы! Кто не проголосует за фюрера — тот враг народа. Таких мы будем знать в лицо. Им в армии не место. Им вообще места нет.

Или потому, что вчера ночью он слышал, как плакала фрау Мюллер из соседнего дома — её сына, социал-демократа, забрало гестапо и отправили в концлагерь Дахау, под Мюнхеном. Имуущество конфисковали «за антинародную деятельность».

Францу показалось это странным. В газетах писали: «Голосование тайное, свободное и честное. Каждый немец сам решает в кабинке». Но фельдфебель говорил другое. Мысли роились в голове: может быть, они просто хотят показать всему миру, что немцы едины? А если я испорчу эту картину?

Они построились и колонной, с песнями, маршировали к участку в центре города, мимо витрин с портретами фюрера. Франц посмотрел на портрет — строгий взгляд, рука на поясе, как на плакате.

В очереди он вертел в руках бюллетень. Это был не обычный бюллетень с фамилиями. Это был огромный лист, где жирным шрифтом было напечатано: «Одобряешь ли ты политику фюрера?» И два кружка: большой — «ДА», и маленький, почти незаметный — «НЕТ».

Он хотел было поставить крестик в кружке «НЕТ». В знак протеста. В знак того, что он помнит о сыне фрау Мюллер. Что он чувствует фальшь. Но месяцы в армии дали о себе знать. Перед глазами встало лицо командира отделения — фельдфебеля. Он вспомнил, что списки проголосовавших не тайна — блок-ляйтер (местный партийный руководитель) сидит за столом и отмечает пришедших. А если он увидит, что Франц задержался в кабинке? А если кто-то из своих донесёт? Завтра на построении фельдфебель скажет: «Рядовой Франц, вы мне не нравитесь. Пять нарядов вне очереди. А потом мы проверим вашу благонадёжность». Или того хуже — начнут косо смотреть на всю роту, скажут: «В первом взводе сидят предатели». Из-за него будут страдать все. И кто знает, не последует ли за этим стук в дверь глубокой ночью?

С другой стороны, подумал он, как они узнают, за кого я голосовал? Кабинка закрыта шторкой. Говорят, выборы тайные. Официально — да. Франц сжал бюллетень. Рука вспотела.

Он вошёл в кабинку. Шторка за ним дёрнулась. Карандаш завис над кружками. Большой круг «ДА» казался огромным, как развёрстая пасть. Маленький «НЕТ» — как точка, как последний островок правды.

Он вспомнил, как фельдфебель вчера говорил: «Мы все — одна семья. Фюрер — наш отец». Но отец ли?

— Лучше не буду рисковать, — прошептал он одними губами. — Я один. Что я сделаю?

И он поставил крестик в круге «ДА». Тяжёлым, корявым крестом, продавившем бумагу.

Выйдя из кабинки, он опустил бюллетень в урну, обитую красным сукном. Фельдфебель, стоявший у двери, хлопнул его по плечу и подмигнул:

— Вот и славно, сынок. Значит, настоящий немец.

Франц вышел на улицу. Солнце светило ярко, оркестр играл бравурный марш, толпа скандировала «Зиг хайль!». А внутри, под сердцем, лежал холодный камень.

Позже он жалел о своей трусости всю жизнь. Это стало первым шрамом на его совести, первым уроком того, как легко система ломает человека через страх за других.

Глава 2. Казармы вермахта

Октябрь 1936 года

С тех пор как Франц поставил тот проклятый крестик в бюллетене, внутри него что-то надломилось. Он продолжал службу, но каждое утро просыпался с тяжёлым чувством. Страна, за которую он должен был умереть, всё больше напоминала огромную клетку. По ночам он слышал, как в соседних домах забирают людей. Говорили, что их отправляют в Дахау, о котором шептались даже в казармах.

И вот однажды вечером случилось то, что всё изменило.

Взвод выстроился в коридоре казармы. Фельдфебель с усами, похожими на мочалку, выкрикивал фамилии из списка. Солдаты по очереди рывкали: «Я!»

Франц стоял и смотрел на доску с уставом, висевшую на стене метрах в трёх от него. Текст казался размытым. Он прищурился. Нет, показалось. Но когда подошла его очередь отозваться, он поймал себя на мысли, что буквы на доске он видит правым глазом гораздо хуже, чем левым.

Сердце ёкнуло.

«Но ведь я всегда хвалился, что у меня сто процентное зрение, — думал он, лёжа на койке после отбоя. — Может, еда плохая? Или свет в казарме слишком тусклый? А может, я живу здесь во вред себе?»

На следующий день рота маршировала по плацу, разучивая новую песню — «Хорст-Весель-лид», гимн нацистской партии. Франц, как все, открывал рот, но мыслями был далеко. Он посмотрел в небо — серое, октябрьское, низкое.

И увидел точку.

Маленькая чёрная точка плыла по серой пелене. Он попробовал посмотреть влево — точка переместилась. Вправо — сдвинулась. Она двигалась вместе с его взглядом.

«Что это? — похолодел он. — Может, я слепну?»

Внутри всё оборвалось. В голове застучала паническая мысль: «Я не хочу вернуться домой слепым! Мать и так еле сводит концы с концами, отец погиб на войне. Я не могу стать обузой!»

В тот же день его переживания вылились в болезнь. Франц, который крайне редко болел, слёг с температурой. Организм, казалось, просто решил: «Всё, хватит». Он горел в лихорадке, и сквозь бред видел ту же точку, которая плыла по глазу.

На его день рождения, 3 ноября, его отправили в санчасть. А оттуда — в военный госпиталь в Мюнхен.

Франц пролежал в госпитале почти два месяца. Врачи ходили хмурые, собирали консилиумы. Наконец, военно-врачебная комиссия вынесла вердикт.

Редкая болезнь. Окулофарингеальная мышечная дистрофия.

Главный врач, пожилой полковник с усталыми глазами, объяснил Францу сухо, по-военному:

— Это наследственное. Мышцы глаз и глотки постепенно слабеют. Сначала двоение в глазах, потом опускаются веки, потом становится трудно глотать. Это не лечится, но прогрессирует медленно. Главное, рядовой: с этим диагнозом не служат и даже не призываются в случае войны. Вы невоеннообязанный.

Франц сглотнул. Горло сжало, но не от болезни — от волнения.

«Бинго, — стучало в висках. — Это то, что надо».

Он вспомнил тот вечер на поверке, точку в небе, свою панику. И понял: его намерение — неосознанное, глубинное, отчаянное желание не быть частью этой прогнившей системы — достигло вселенной и исполнилось. Болезнь пришла как избавление.

Слухи о новой войне ходили уже тогда. Все знали: Гитлер готовится к чему-то большому. Ещё в марте вермахт вошёл в Рейнскую демилитаризованную зону, и мир промолчал. Франц чувствовал: скоро начнётся, но теперь он был свободен. Он избежал первой волны мобилизации.

Прошло 2 месяца с тех пор, как Франц лежал в госпитале и ожидал отправления домой. И вот наконец за Францом приехал командир отделения — тот самый фельдфебель с усами. Он встретил его у ворот госпиталя с кислой миной.

— А, явился, — буркнул он, закуривая дешёвую сигарету. — Решил, значит, откосить, да? Думаешь, мы не знаем таких?

Франц молчал. Он уже знал, что будет дальше.

— Слушай сюда, — фельдфебель приблизил лицо, от него пахло табаком и кислыми щами. — Забери своё врачебное заключение. Скажи, что ошибка вышла. Дослужишь остатки — три месяца всего! Без военного билета ты никто. Работу не найдёшь. Будешь по помойкам шастать.

Франц смотрел ему прямо в глаза. Тот отвёл взгляд первым.

— Ну, смотри. Сам себе могилу роешь.

В казарме его вещи не отдали.

— Потерялись, пока ты в «калечке» отлёживался, — осклабился писарь. — Война, сам понимаешь.

Ему сунули в руки проездные документы, посадили в военный грузовик и вывезли за ворота части. Грузовик высадил его на вокзале в Мюнхене и уехал.

Франц стоял один на привокзальной площади. Мимо спешили люди, пахло жареными каштанами, где-то играла музыка. Впервые за долгие месяцы он почувствовал... свободу.

Он погулял по Мюнхену. Зашёл в собор Фрауэнкирхе, постоял под высокими сводами. Купил на последние марки горячий суп в уличной палатке. Никогда раньше он не выезжал из своего маленького городка под Ландсхутом, никогда не путешествовал один. Это было волшебно. Город жил своей жизнью, несмотря на флаги со свастикой и патрули СС на углах.

Наконец — поезд. Три дня пути в деревянном вагоне третьего класса, с жёсткими скамьями и запахом угля. Он смотрел в окно на проплывающие мимо леса, деревни, заснеженные поля.

И он ехал домой.

Глава 3. Маленький городок под Ландсхутом

Весна 1937 года

Франц вернулся из армии. На вокзале его встретил старший брат Ганс и они пошли пешком через знакомые с детства улицы. Городок почти не изменился: те же черепичные крыши, те же вывески, только флагов со свастикой стало меньше, да плакаты на стенах призывали жертвовать в фонд «Зимней помощи». Ганс работал на местной фабрике, домой возвращался затемно и о политике не говорил никогда — даже шёпотом. Он просто устал.

Франц поселился у матери. Дом, где прошло его детство, стоял на окраине, окружённый такими же ветхими домишками. Мать, фрау Эльза, работала на заводе — в цехе, где собирали буровые установки для добычи угля. Она приходила уставшая, с почерневшими от масла руками, и садилась у окна перекурить. Две младшие сестры учились в школе и помогали по хозяйству. Брат жил отдельно, в городе, и появлялся редко.

В госпитале, лёжа долгими месяцами, Франц о многом передумал. Но одна мечта не отпускала: автомобиль. Не роскошный, не новый — свой. Чтобы сесть за руль и уехать туда, где нет флагов со свастикой, где можно просто дышать. Он много раз рассматривал картинки в журналах. «Опель Олимпия» — простой, надёжный, для обычных людей. Именно такой он хотел купить, когда накопит.

Но автомобиль стоил дорого. А у Франца не было ничего.

Он начал с малого. Покупал старые велосипеды, кое-как чинил — хотя механиком никогда не был, максимум мог подкрутить гайку — и перепродавал на рынке. Потом ему попался старый мотоцикл DKW. Франц ухватился за него, как за шанс. Если научиться возиться с мотоциклами, можно заработать больше. Он читал инструкции, расспрашивал знакомых, часами копался в двигателе. Получалось плохо, но иногда удавалось продать чуть дороже, чем купил. Каждая заработанная марка откладывалась в жестяную банку «на Опель».

Мать каждый вечер качала головой:

— Франц, иди на завод. Там хоть стабильно платят. На что мы жить будем?

Он отмахивался:

— Мам, вот куплю я машину — и всё изменится. Я смогу работать, ездить, что-то делать.

Потерпи немного.

Несколько раз он пытался устроиться на работу: грузчиком, подсобником, даже на тот же завод, где работала мать. Но однообразие убивало. Он бросал после первой же ссоры с мастером, после трёх дней в душном цеху. Ему казалось, что свобода где-то рядом, просто нужно дотянуться.

Всё же ради мечты он продержался на заводе больше года. Собирал буровые установки, вдыхал запах машинного масла, смотрел, как мимо проходят такие же серые люди в спецовках. Но зарплаты становились всё меньше — завод переходил на военные рельсы, и деньги утекали в оборонку. Франц уволился.

А потом случился пожар.

Вечер 15 ноября 1938 года выдался холодным и ветреным. Франц сидел за столом, читал старую газету, мать вышла на крыльцо покурить. Вдруг погас свет.

— Опять эти со своим электричеством справиться не могут, — буркнул он.

В комнату влетела мать. Лицо белое, глаза расширены.

— Франц... мы горим.

Он усмехнулся:

— Смешно, мам. Первое апреля давно прошло.

Она молчала. И в этом молчании было столько ужаса, что Франц вскочил и побежал в коридор.

Крыша полыхала. Огонь пожирал стропила, перекидывался на чердак. Через двадцать минут всё, что успели вытащить — документы, немного одежды, старая фотография отца — лежало кучей на мёрзлой земле. Пожарные приехали быстро, но дом спасти не удалось. Крыша прогорела насквозь, стены обуглились. Потом выпал снег, завалил руины, а весной стены рухнули.

Им дали временное жильё в посёлке за городом — две комнатки в длинном бараке, где раньше жили сезонные рабочие. Вокруг такие же бараки, грязь, тоскливые лица. Мать теперь добиралась на завод автобусом. Сёстры ходили в школу в город. А Франц остался один в этой казённой комнате, без дела, без денег, без надежды. Жестяная банка с накоплениями сгорела вместе с домом.

В те дни он начал много читать. Газеты ввали — он это чувствовал каждой клеткой. Но где искать правду? Случайно на рынке он встретил пожилого мужчину, который сунул ему в руку маленькую листовку — тонкую, отпечатанную на плохой бумаге.

— Почитай, — шепнул тот и исчез в толпе.

Дома, задёрнув занавески, Франц прочитал листовку. Это был текст о человеке, которого называли доктор Вилли Брандт. В листовке рассказывалось, что Брандт был социал-демократом, членом рейхстага, выступал против нацистов ещё до 1933 года. Его арестовывали, пытали, но он не сломался. Он продолжал бороться из подполья. Его последователи печатали и распространяли его речи, его призывы.

Франц читал и не мог оторваться. Вот слова, которые врезались в память:

«Говорят: что может один? Отвечаю: всё. Один человек с прямой спиной стоит больше, чем тысяча согнутых. Не ждите, что кто-то придёт и спасёт вас. Спасайте себя сами. Не сдавайтесь. Если сегодня вы промолчите — завтра будет поздно. Каждое утро спрашивайте себя: что я сделал, чтобы этот день не стал днём торжества зла? И делайте. Хоть что-то. Не сдавайтесь».

Франц перечитал эти строки раз десять. Он вдруг понял: есть люди, которые не согнулись. Которые говорят это не для красного словца, а живут так. И умирают так.

Он искал в городе таких же, как он. Ему казалось, что где-то должны быть люди, которые верят в то же. Но вокруг были только усталые рабочие, напуганные обыватели, нацистские патрули. Никто не решался говорить вслух. Он чувствовал себя совершенно одиноким.

А потом радио объявило: 1 сентября 1939 года вермахт начал «полицейскую акцию» по наведению порядка на восточных границах.

Франц сидел в своей каморке и слушал победные марши. На улицах люди ликовали, махали флагами. А он думал о докторе Брандте, об убитых, о тех, кто писал на стенах «Долой войну!». Его болезнь делала его негодным к службе, но надолго ли? Он метался несколько месяцев. Остаться? Но что он может сделать один? Бороться? Как?

Мать чувствовала его состояние. Она не спрашивала прямо, но однажды за ужином, когда сёстры ушли, тихо сказала:

— Ты что-то задумал, Франц. Я вижу.

Он молчал. Что он мог сказать? Что хочет бросить её, сестёр, бабушку — и уехать в никуда? Что хочет сбежать от страны, которую она считала своей родиной?

— Я не знаю, — ответил он. — Я просто... не могу здесь больше.

Мать заплакала. Он не видел её слёз много лет. Она вытирала их шершавым платком и повторяла:

— Ты же единственный мужчина в доме. А если война? А если бомбёжки? А если...

Он обнял её, чувствуя, как она маленькая и сухая в его руках.

— Я не уеду, не убедившись, что вы в безопасности.

Но они оба знали: настоящей безопасности не будет. Не в этой стране. Не при этой власти.

Франц начал готовиться к побегу исподволь, никому не говоря ни слова. Он продал второй мотоцикл. Выручил немного марок. Потом продал третий — совсем древний, который купил за бесценок и кое-как починил. Денег хватило только на самое необходимое: фальшивые документы и услуги проводника.

В Ландсхуте ходили слухи о людях, которые за плату переправляли через границу: «нужно лишь знать нужное слово и иметь нужную сумму».

— Ты уверен, что хочешь этого? — спросил связной, пожилой мужчина с седыми усами.

— Швейцария закрывает границы. С каждым месяцем всё труднее попасть. Если тебя поймут — расстрел. Без суда.

— Уверен, — ответил Франц.

Он врал. Он не был уверен ни в чём, кроме одного: оставаться здесь — медленная смерть души.

Глава 4. Прощание

Ноябрь 1939 года

Франц решил уйти тихо, но не тайно. Он не мог исчезнуть, не попрощавшись.

В последний вечер он пришёл к бараку, где жила мать с сёстрами. На столе стояла картошка, квашеная капуста и маленький кусочек хлеба. Мать смотрела на сына так, будто уже похоронила.

— Я всё знаю, — сказала она. — Ты уезжаешь.

— Да, — кивнул Франц.

Младшая сестра, Грета, заплакала. Старшая, Лизель, молчала, сжав губы.

Мать подошла, обняла его.

— Береги себя, — прошептала она. — И не забывай нас.

— Никогда, — ответил Франц.

Он вышел в ночь, не оглядываясь. Знал: если оглянется — не уйдёт.

Франц ехал на поездах, петляя, меняя направления, замечая следы. Всё его имущество умещалось в одном рюкзаке: смена белья, хлеб, фальшивые документы хорошего арийца без политического прошлого — и листовка Брандта, спрятанная в подкладке куртки.

На границе его встретил проводник — худой, молчаливый человек с лицом, изъеденным оспой. Он говорил шёпотом:

— Идём ночью. Лесом. Ни звука. Ни огня. Если услышишь выстрелы — беги обратно. И не вздумай останавливаться.

Они шли несколько часов. Луна скрывалась за тучами, и Франц то и дело спотыкался о корни, падал, поднимался. Проводник шёл быстро, не оборачиваясь, как призрак.

И вдруг — проволока. Колючая, натянутая между деревьями.

— Граница, — прошептал проводник. — Перелезай. Быстро.

Франц поднял колючку, порезал ладонь, но не почувствовал боли. Перебрался на другую сторону. Проводник остался стоять, глядя на него из темноты.

— Всё, — сказал он. — Дальше сам. Иди на огни. Там город. Удачи.

Он растворился в темноте.

Франц шёл вперёд, не зная куда. Сердце колотилось, в ушах стучала кровь. Каждый шорох казался погоней. Но никто не стрелял. Никто не кричал.

Через час он вышел к дороге. А через два — к маленькому городку с вывесками на французском и немецком. Швейцария.

Он упал на колени прямо посреди пустынной улицы и заплакал. Не от страха — от облегчения. Он сделал это. Он был свободен.

Глава 5. Цюрих, Швейцария

Лето 1940 года

Франц сидел на скамейке у озера и смотрел на лебедей. Вода была прозрачной, горы на горизонте — спокойными. Всё здесь было спокойным. Слишком спокойным.

Он снял крошечную комнату в пансионе для беженцев, устроился на чёрную работу — мыть посуду в ресторане. Швейцарцы смотрели на него с подозрением: беженец из Германии — не тот ли он, кто кричал «Зиг хайль»? Франц старался не обращать внимания на них.

Франц знал: он вернётся. Не сейчас. Но когда-нибудь. Когда у него будет сила, знание, оружие. Когда он сможет не просто кричать правду, а бить ею точно в цель.

Он вернётся. Но Франц чувствовал себя чужим. Местные говорили на своём диалекте, смотрели на беженцев свысока. По вечерам он возвращался в свою каморку, ложился на узкую кровать и смотрел в потолок. Ему не хватало запаха немецкого леса, говора родных улиц, даже той тревоги, которая висела в воздухе дома. Здесь было безопасно, но пусто.

Он пытался найти единомышленников. Ходил в маленькие кафе, где собирались эмигранты, слушал их разговоры. Говорили о политике, о войне, о том, что Германия рухнет. Но все эти разговоры были — словами. Никто не собирался ничего делать.

Иногда доходили вести из дома. Кто-то привозил старые газеты, кто-то рассказывал, что слышал от знакомых. И в этих обрывках новостей Франц узнавал, что в Германии остались люди, которые борются. Расклеивают листовки, пишут на стенах, прячут евреев. Рискуют жизнью каждый день.

Однажды вечером он сидел в эмигрантском кафе и слушал молодого парня, только что выбравшегося из Германии. Тот рассказывал:

— В Берлине опять были облавы. Но наши не сдаются. Брандта, говорят, видели. Он жив и продолжает. У него теперь целая группа.

У Франца ёкнуло сердце. Брандт жив? Он думал, что Брандт погиб ещё в 1934-м, в «Ночь длинных ножей». А он жив и борется.

В ту ночь Франц не спал. Он смотрел в потолок и вспоминал слова из листовки: «Не ждите, что кто-то придёт и спасёт вас. Спасайте себя сами. Не сдавайтесь».

А кто спасает себя сам? Тот, кто сидит в безопасной Швейцарии и моет посуду? Или тот, кто там, под пулями, расклеивает листовки?

Утром он принял решение. Он вернётся.

Глава 6. Возвращение

Август 1940 года.

После нескольких месяцев подготовки, Франц вернулся через зелёную границу со Швейцарией. Переход организовали. Трое суток пешком, ночлег в стогах, переправа через Рейн на лодке, и вот он снова здесь. В родном городке, который стал чужим.

Мать ахнула, когда увидела его на пороге барака. Обняла, заплакала, потом отстранилась и зашептала испуганно:

— Ты с ума сошёл? Здесь же гестапо! А если тебя ищут?

— Не ищут, — ответил Франц. — Кому я нужен, больной и списанный. Я здесь нужнее, чем там.

Он снова поселился в казённой комнатухе, где пахло сыростью и дешёвым табаком. Мать уезжала на завод затемно, сёстры — в школу. Франц перебивался случайными заработками: помогал грузить уголь, чинил соседям велосипеды. Денег не хватало даже на хлеб, но жестяная банка с надписью «На Опель» снова стояла на полке — полупустая, но на месте.

В Швейцарии он понял главное: безопасность без свободы — это клетка с мягкими стенами. Там, среди сытых и равнодушных, он задыхался. А здесь, в постоянном страхе, он чувствовал себя живым.

Новости из подполья доходили обрывками. Говорили, что доктор Вилли Брандт жив. После «Ночи длинных ножей» его не убили — держали в концлагере, потом выпустили под надзор. Но он не сдался. Продолжал писать статьи, которые расходились по всей Германии в тысячах экземпляров. Его имя знали даже те, кто боялся произносить его вслух.

А потом случилось невероятное: Брандта снова арестовали, но через месяц выпустили — то ли под давлением международной общественности, то ли потому что не нашли состава преступления. И когда он вышел на свободу, в Берлине на улицы вышли сотни тысяч людей. Мирные, без оружия, с цветами и плакатами. Они не кричали «хайль», они скандировали его имя. Это было как гром среди ясного неба. Режим дрогнул, но быстро опомнился — через неделю многие из тех, кто выходил, сидели в тюрьмах. Но факт остался фактом: народ проснулся.

Франц читал об этом в подпольной газете, которую передавали из рук в руки, и сердце колотилось где-то в горле. Значит, не зря. Значит, он не один.

Вскоре пришла новая весть: в день рождения Брандта, 15 марта, по всей стране на главных площадях городов назначены стихийные митинги в поддержку.

— Ровно в два часа дня, — раздался голос из радиоприёмника.

Франц колебался. Вдруг это провокация? Вдруг гестапо уже знает и просто собирает всех, кто придёт? Но слова Брандта из листовки жгли изнутри: «Не ждите, что кто-то придёт и спасёт вас. Спасайте себя сами».

Он пошёл.

II ЧАСТЬ. СОПРОТИВЛЕНИЕ

Глава 7. 14:00, центральная площадь Ландсхута. Дождь

Франц пришёл за полчаса и присел на скамейку. Наблюдал. площадь была пуста — только горожане, спешащие по своим делам. Ровно в два на дорожке показалась фигура.

Девушка. Лет двадцать, худая, в тёмном пальто не по размеру. Она оглянулась, поправила платок и медленно пошла к центру площади, где должна была быть встреча.

Франц выждал ещё пять минут. Никого больше. Только она и вороны.

Он решился подойти. Девушка вздрогнула, сделала шаг назад. Они стояли друг напротив друга, и каждый видел в глазах другого страх.

— Вы... по объявлению? — спросил Франц, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

Она кивнула, но не приблизилась. Молчала, вглядывалась в его лицо.

И тут они заметили бабушку. Медленно проходила мимо — они её сразу не заметили. Она смотрела на них, и в её глазах не было ни страха, ни подозрения. Только тепло. Она улыбнулась им — светло и спокойно, будто благословляла. Потом медленно ушла, опираясь на палку.

Этот взгляд сломал лёд.

— Я Франц, — сказал он.

— Ханна, — ответила она.

Они пошли гулять по городу в поисках «своих». Говорили долго. Осторожно, полунамёками, боясь каждого слова. Франц рассказал про армию, про болезнь, про Швейцарию. Ханна — про Гамбург, про отца, которого забрали в 1934м. Она бежала на юг, скрывалась у дальней родни, работала прислугой у богатых. Листовку Брандта она нашла в поезде.

Но каждый из них думал об одном: «А вдруг он/она — агент гестапо?» Слишком чисто звучала история. Слишком правильные слова. Франц специально обмолвился, что ничего не знает о подполье в городе, и следил за её реакцией. Ханна, в свою очередь, вдруг спросила, не слушает ли он зарубежное радио — вопрос, за который можно было получить срок.

Они устроили друг другу настоящую проверку. Франц упомянул, что Брандт, кажется, сидел в Дахау. Ханна поправила: в Моабите, сначала в Моабите, потом в Дахау. Мелочь, но тот, кто читал только официальные сводки, таких деталей не знал. Ханна, в свою очередь, спросила, что Франц думает о последней статье Брандта про коррупцию в НСДАП. Франц прочитал её три недели назад и помнил почти дословно.

После двух часов разговора они переглянулись и одновременно выдохнули. В глазах друг друга они увидели одно и то же облегчение.

— Я, кажется, начинаю тебе верить, — сказала Ханна.

— Взаимно, — усмехнулся Франц.

На прощание она спросила:

— Мы встретимся ещё?

Он кивнул:

— Я ещё много о чём хотел поговорить.

Она улыбнулась впервые за весь разговор:

— О, и ты тоже?

День начал подходить к концу. В окнах домов загорался свет. Они разошлись в разные стороны, условившись встретиться здесь же через неделю. И каждый нёс в себе тепло чужого доверия, которое в этом мире было дороже золота.

Глава 8. Германия, окраина городка под Ландсхутом

Весна 1941 года.

Франц возвращался домой на автопилоте. Ноги несли его сами, а в голове было пусто и звонко, как после удара колокола. Начался снегопад и солнце спряталось за тучами, но весь мир казался ярким, свежим, невозможным.

Она существовала. Она была настоящей.

Он остановился посреди дороги и улыбнулся. Впервые за долгие месяцы — искренне, широко, до хруста в скулах. Потом оглянулся по сторонам, спохватился, спрятал улыбку. Кругом могли быть глаза. Но внутри всё пело.

«Я познакомился с девушкой. С красивой девушкой. И судя по тому, как она смотрела, я ей тоже понравился».

Он прокручивал в голове их разговор снова и снова. Её голос, чуть хриловатый, когда она волновалась. То, как она поправляла выбившуюся прядь волос. Как улыбнулась на прощание. И главное — как они оба боялись друг друга, проверяли, сомневались, и как это общее преодоленное недоверие стало крепче любого знакомства.

А потом Франц вспомнил то, что она сказала о себе. И улыбка стала растерянной.

Тридцать лет. Замужем. Пятнадцатилетняя дочь.

Для Франца, которому только-только исполнилось двадцать шесть, это был запредельный уровень. Другой мир. Взрослая жизнь с её сложными правилами, тайнами, обязательствами. Он никогда не думал о замужних женщинах — это было что-то из области запретного, почти мифического. И теперь в его голове загорелась новая лампочка: «Она замужем».

Почему-то это не остановило его, а наоборот — подстегнуло. Глупая, мальчишеская самоуверенность шептала: «А вот будет здорово, если я её отоью. Если у нас всё будет прекрасно. Наперекор всему».

Хотя личная жизнь у Франца была, мягко говоря, скудной. Несколько долгих переписок, которые сходили на нет после первой встречи. Случайные знакомства, забытые на следующий день. И одна девушка, с которой он встречался почти год. История была стандартной: ему был интересен сам опыт отношений, хотелось всё попробовать, понять, что это такое. А когда стало ясно, что её типаж — не его, что они разные, как велосипед и паровоз, они расстались почти без боли. Так, привычка отвалилась.

С Ханной было иначе. Она не была типажом. Она была — явлением.

Глава 9. Ханна

Невысокая, ладная, с тёмными волосами и острым взглядом, который, казалось, видел насквозь. В ней сочеталось несочетаемое: милота и жёсткость, тепло и холод. Она была самостоятельной до кончиков ногтей. Она твёрдо знала, чего хочет, и не желала тратить время на того, кто не дотягивает до её уровня.

При этом себя она не особенно любила. Странная вещь: внутри неё жила какая-то глубокая неуверенность, которую она прятала за броней независимости. Франц чувствовал это — и ему отчаянно хотелось эту броню пробить.

Жила Ханна в спальном районе города, в хорошей квартире со свежим ремонтом — редкая удача по нынешним временам. Работала в конторе, которая занималась государственными выплатами. Через неё проходили военные — и каждый раз, когда перед её окошком появлялся мундир с нашивками, её передёргивало. Она ненавидела их. Ярых поклонников Гитлера, тупых исполнителей, уверенных в своей правоте. Ненавидела так сильно, что иногда приходилось кусать губу, чтобы не выплюнуть им в лицо всё, что накопилось.

Муж не понимал её убеждений. Вообще. Он жил в другой реальности — работе, дом, пиво по пятницам, редкие разговоры ни о чем. Ханна давно научилась им манипулировать. Любой разговор она могла повернуть так, что он оказывался виноватым, или соглашался с ней, или просто замолкал. Это было нетрудно — он был предсказуем, как старые часы. Но за манипуляциями стояла усталость. Ей не с кем было поговорить по душам. Совсем.

И тут появился Франц.

После той первой встречи они не могли оторваться друг от друга.

Они придумали целую систему: общение посредством дуба. Они оставляли записки в дупле старого дуба на отшибе города. Это было опасно, глупо и прекрасно.

Они писали друг другу каждый день. Иногда по два-три письма. Франц ловил себя на том, что улыбается, просто перечитывая её каракули. Ханна, придя с работы, первым делом бежала к дубу — проверить, нет ли весточки.

Дошло до того, что они оба поняли: это становится наваждением. Опасным наваждением. Слишком много писем — слишком легко попасться. Слишком много чувств — слишком легко потерять голову.

Они встретились на пустыре и взяли друг с друга слово: не писать три дня. Совсем. Вообще никак. Чтобы остыть, прийти в себя, вспомнить, что вокруг война и гестапо.

Выдержали ровно сутки.

На второй день Франц не выдержал и побежал к дубу. Там уже лежала записка от Ханны: «Я знала, что ты придёшь. Я тоже не смогла».

Он рассмеялся тогда прямо посреди улицы. Прохожие косились — молодой человек, смеющийся в одиночестве, выглядел странно. Ему было всё равно.

Когда первые ураганы эмоций слегка утихли, они снова встретились на пустыре. Сидели на старом бревне, смотрели, как садится солнце, и думали об одном.

— Что мы можем сделать? — спросила Ханна. — Реально сделать. Не просто разговоры. Франц молчал. Он думал об этом каждый день.

— Война идёт уже два года. Германия оккупировала пол-Европы. А мы тут сидим и... радуемся жизни.

Она усмехнулась:

— Ты против?

— Нет, — он взял её за руку. — Но мне кажется, этого мало.

В тот же вечер по подпольному радио передали сообщение. Короткое, ёмкое, как удар хлыста: «Пришла пора собираться. Выходите на улицы. Клейте листовки. Пишите на стенах. Пусть каждый знает: нацизм — это смерть Германии. Наше оружие — правда».

Они переглянулись. В глазах Ханны зажглось что-то новое — азарт, решимость, почти радость.

— У меня есть доступ к печатному станку, — сказала она тихо. — В конторе, по ночам. Я могу напечатать любую листовку. Сколько скажешь.

Франц сглотнул. Это было уже не игрой в переписку. Это была настоящая явка с поличным. Если их поймают...

— Рискнём? — спросил он.

Она посмотрела на него долгим, немигающим взглядом:

— Я уже рискнула, когда заговорила с тобой на пустыре.

Они договорились о количестве: три сотни экземпляров. Не слишком много, чтобы не бросаться в глаза, но достаточно, чтобы квартал города. Ханна достала бумагу — хорошую, плотную, не ту дрянь, что шла на хозяйственные нужды. Франц нашёл старый велосипедный клей, который не замерзал на холоде.

Лозунг родился сам собой: «Нацизм — это смерть Германии. Остановите войну!» Коротко, ясно, без лишних слов.

Они разработали маршрут. Ханна знала город как свои пять пальцев: где висят фонари, где ходят патрули, в каких подворотнях можно спрятаться. Франц должен был клеить, она — стоять на стреме. Вдвоём безопаснее.

Первую листовку он приклеил дрожащими руками. Ровно в час ночи, на стене городской ратуши, прямо под огромным портретом Гитлера. Белый прямоугольник на красном фоне — как пощёчина.

Они отошли, спрятались в арке и смотрели. Листовка висела. Никто не шёл. Город спал.

Ханна сжала его руку. В темноте он не видел её лица, но чувствовал, что она улыбается.

— Мы сделали это, — прошептала она.

— Это только начало, — ответил он.

И они пошли дальше, в ночь, оставляя за собой белые следы правды на стенах спящего города.

Глава 10. Ночь. Третий час. Окраина городка

Франц подъехал к барaku на своём дребезжащем мотоцикле — старом DKW, который купил по случаю за копейки и коекак починил. Заглушил двигатель и несколько минут сидел, не в силах сдвинуться с места. В голове гудело. Не от усталости — от счастья.

Он закрыл глаза и снова увидел её. Ханна стояла в арке, сжимая в руках оставшиеся листовки, и улыбалась ему в темноте. Как она смотрела на него, когда они закончили маршрут! Как сжала его ладонь на прощание!

«Я сделал это. Мы сделали это. И она была рядом».

Франц поднял голову к небу. Звёзды сегодня горели особенно ярко, будто тоже праздновали победу маленькой правды над огромной ложью. Он вдыхал холодный ночной воздух и чувствовал, как внутри разливается тепло. Столько адреналина сразу он не испытывал никогда. Руки до сих пор слегка дрожали — то ли от напряжения, то ли от восторга.

И Ханна. Его Ханна.

Она была идеальна. Всё в ней — голос, смех, то, как она морщила нос, когда пачкалась в клее, как поправляла волосы, выбившиеся из под платка. Франц поймал себя на мысли, что готов смотреть на неё бесконечно. И не просто смотреть — быть рядом. Всегда.

«Я сделаю всё, чтобы это не кончилось, — подумал он, заходя в барак и стараясь не скрипеть половицами. — Чтобы мы были вместе. Чтобы этот режим рухнул. Чтобы она была счастлива».

Мать спала за тонкой перегородкой, сёстры — на раскладушках в углу. Франц на цыпочках пробрался к своей лежанке, скинул пропитанную клеем куртку и рухнул лицом в подушку. Но сон не шёл. Перед глазами снова и снова прокручивались кадры сегодняшней ночи: тёмные улицы, мокрые стены, шорох листовок, и Ханна, Ханна, Ханна...

«Она идеальна. Я люблю её. Я, кажется, действительно люблю её».

Мысль была пугающей и сладкой одновременно. Он никогда никого не любил так. Те прежние, короткие отношения — разве это любовь? Просто опыт, просто попытка понять, что это такое. А тут — накрыло с головой, без остатка.

Он заснул только под утро, и во сне ему снились её глаза.

Глава 11. Изобилие

Денег не было. Совсем. Мать уже два дня смотрела на него с немим укором: работай, мол, ищи. Но раньше Франц отмахивался, надеялся на удачу. Теперь всё изменилось.

Он сидел за столом и смотрел на жестяную банку с мелочью. Пустая. А ведь нужны были не только бензин для мотоцикла — теперь нужен был клей, бумага, тёмная одежда, чтобы сливаться с ночью. И самое главное — нужна была работа, которая не будет привлекать внимания, но даст достаточно денег.

Франц открыл старую газету, потом ещё одну. Объявлений о работе было мало — война забирала мужчин, но и работы становилось меньше. И вдруг он увидел:

«Требуется работник на экспериментальную плантацию. Выращивание редких культур. Опыт не обязателен, обучение на месте. Жильё предоставляется. Обращаться к господину Кристиану».

И адрес на окраине города.

Франц поехал туда в тот же день.

Место оказалось странным: старый особняк с запущенным садом, пара теплиц, кучи стройматериалов. Внутри пахло сыростью, землёй и свежими досками.

Хозяина он нашёл в подвале — тот собственноручно мешал цемент, заделывая дыры в стенах.

— Кристиан, — представился мужчина лет сорока с открытым лицом и аккуратными усиками. Вытирая руки ветошью, он оглядел Франца с головы до ног. — Ты первый, кто пришёл. Остальные боятся, что это какая-то авантюра. А я вот решил делать бизнес здесь и сейчас.

Он говорил с лёгким акцентом — потом выяснилось, что Кристиан родом из Швейцарии, но долго жил в Москве, а теперь вернулся в Германию и решил заняться делом. Что за дело? Выращивание редких лекарственных трав — ромашки, шалфея, валерианы. Во время войны спрос на лекарства вырос, а своих поставок не хватало.

— Буду поставлять в госпитали, — объяснял Кристиан, показывая Францу будущие теплицы. — Деньги хорошие, работа не пыльная. Но нужно всё организовать с нуля. Ты как, готов вкалывать?

Франц готов был вкалывать. Ради Ханны, ради листовок, ради всего.

Работа была тяжёлой, грязной, но удивительно живой. Кристиан не просто командовал — он горел. Рассказывал про все растения, про влажность, про то, как важно не пропустить момент сбора. Франц впитывал. Ему нравилось чувствовать, что он строит что-то с самого начала, из пустого цеха с запахом сырого бетона.

А потом пришли новые рабочие. И Кристиан, глянув на Франца, сказал:

— Слушай. Ты тут первый, ты всё видел, всё пробовал. Будешь бригадиром. Обучай новеньких. Я тебе доверяю.

Франц растерялся. Бригадир? Он, который никогда никем не руководил, кроме самого себя? Но отказаться было нельзя — Кристиан смотрел так, будто не сомневался ни секунды.

Пришлось учиться на ходу. Было трудно. Новенькие оказались разными: кто-то ленился, кто-то спорил, кто-то просто не понимал, зачем нужна эта дурацкая влажность. Франц ссорился, доказывал, настаивал. Иногда хотелось всё бросить, но упрямство — единственное, что у него было всегда, — не давало отступить. Он не мог переспорить? Мог. И спорил. И выгрызал своё.

К удивлению, у него начало получаться. Люди слушались. Работа пошла. Кристиан хлопал по плечу и довольно улыбался.

А в жестяной банке зазвенели первые настоящие деньги. Не те, жалкие, от перепродажи мотоциклов, а твёрдые, регулярные. Можно было копить. Можно было покупать клей и бензин. Можно было откладывать на «Опель» — мечта снова стала реальной.

Глава 12. Чувства

Вылазки стали ритуалом. Раз в неделю, по четвергам, ровно в одиннадцать вечера они встречались у старого дуба. Франц приезжал на мотоцикле, Ханна выскальзывала из дома, когда муж засыпал перед радио. Короткий поцелуй в щёку — и в путь.

Сначала Франц клеил, а Ханна смотрела по сторонам. Но очень быстро выяснилось, что руками он работает, как медведь в посудной лавке. Листовки мялись, клей тёк на пальцы, процесс занимал вечность.

— Да ты издеваешься, — прошептала Ханна после третьей испорченной листовки. — Дай сюда.

Она отобрала у него кисть и показала, как надо. Её маленькие пальцы, перепачканные клеем, двигались быстро и точно. Листовка ложилась на стену ровно, без пузырей и складок. Франц смотрел на неё и забывал следить за улицей.

— Ты чего стоишь? — шипела Ханна. — Смотри по сторонам!

— Смотрю, — врал он, не отрывая взгляда от её рук.

Она часто пачкалась. Клей был на локтях, на щеке, на куртке. Ханна удивлённо разглядывала свои ладони, будто не понимая, откуда взялась эта липкая гадость. Франц посмеивался, и она пихала его в бок, стараясь не рассмеяться в голос.

Они отработали тактику до автоматизма. Франц достаёт листовку, Ханна мажет клеем и клеит, Франц смотрит по сторонам. Потом бегом к следующей стене. И так минимум сто раз за ночь.

Перед каждой вылазкой они пили кофе. Настоящий, молотый, который Ханна доставала неизвестно где. Сидели в её машине, припаркованной в тёмном переулке, и болтали. Обо всём подряд. О детстве, о страхах, о том, какой дурак этот Геббельс со своей пропагандой. Иногда молчали и слушали, как стучат по стеклу капли дождя.

Франц ловил себя на том, что ждёт этих минут больше, чем самих вылазок. Кофе, её голос, её смех, запах её духов, смешанный с сыростью ночного города. Это было счастье. Простое, опасное, запретное.

Однажды вечером, набравшись смелости, он написал ей записку. Короткую, всего несколько слов: «Я хочу тебя поцеловать. Каждую секунду, когда ты рядом, я только об этом и думаю».

Передал через дуб и три дня не находил себе места.

Она ответила на четвёртый. Пришла на пустырь, села рядом, долго молчала. Потом сказала:

— Ты слишком мал для меня, Франц. Ты понимаешь?

— Мне всё равно, — ответил он.

— И зря. — Она вздохнула. — Но... знаешь... мне приятно. Что я кому-то нравлюсь. Что на меня так смотрят. Это тешит моё самолюбие.

Он не понял тогда, что это значит — тешит самолюбие. Ему было достаточно, что она не убежала, не оборвала всё, не сказала «забудь».

Следующая вылазка была через неделю. Они расклеили листовки по всему северному району — штук двести, не меньше. Устали, замёрзли, но были счастливы. Франц вёз её домой на своём мотоцикле, и она держалась за его плечи, прижимаясь щекой к спине. Он чувствовал это тепло даже сквозь куртку.

Остановились у её подъезда. Ханна слезла, поправила платок и вдруг замерла. Посмотрела на него долгим, странным взглядом.

— Ты правда хочешь, чтобы я тебя поцеловала?

У Франца перехватило дыхание. Он кивнул, боясь сказать хоть слово — голос мог сорваться.

— Больше всего на свете?

Он нашёл в себе силы ответить:

— Нет. Не больше всего.

Она удивлённо подняла бровь.

— Этого я хочу так же сильно, как чтобы этот режим пал. — Он сглотнул. — Ты же не заставишь меня выбирать?

Ханна усмехнулась, но усмешка вышла грустной.

— Понимаешь... — Она помолчала, подбирая слова. — Из-за этого мы можем перестать общаться. Всё может сломаться. Ты готов рискнуть?

Франц молчал. Внутри всё кипело, металось, кричало. Конечно готов! Нет, не готов. А если она права? Если всё сломается? Если он потеряет даже то, что есть сейчас — эти ночи, эти разговоры, этот кофе перед вылазками?

Она ждала.

— Но если всё-таки хочешь рискнуть, — тихо добавила она, — сделай это сам. Я не буду сопротивляться.

И посмотрела ему прямо в глаза.

Франц замер. Мысли неслись в голове с бешеной скоростью. Стоит ли? Может, оставить всё как есть? Не трогать, не ломать, просто радоваться тому, что есть? Но как можно смотреть влюблёнными глазами на того, кто смотрит на тебя как на друга? Как можно чувствовать это внутри и не дать ему выхода?

Нет. Не могу. Я не хочу смотреть на неё как на манекен. Я хочу целовать её губы. Хочу чувствовать, что она моя. Хотя бы на одну секунду.

Он открыл рот, чтобы ответить, но Ханна вдруг сказала:

— Всё, мне пора. Спокойной ночи, Франц.

И повернулась к подъезду.

— Подожди! — выдохнул он.

Она обернулась.

— Закрой глаза.

Она рассмеялась — тихо, удивлённо:

— Зачем?

— Мне так будет проще.

Ханна покачала головой, но глаза закрыла. Стояла в свете тусклого фонаря, чуть улыбаясь, и ждала.

Франц шагнул к ней. Сердце колотилось где-то в горле, в висках, в кончиках пальцев. Он протянул руку, коснулся её щеки — она была холодной после ночного воздуха. Наклонился. И поцеловал.

Десять секунд. Может, пятнадцать. Он потерял счёт времени.

Для неё это был просто поцелуй. Для него — взрыв. Целая вселенная, сжатая в одно мгновение. Он чувствовал её губы — мягкие, тёплые, живые. Чувствовал, как дрожит её рука, которой она оперлась о его плечо. Чувствовал запах её волос, кожи, того самого кофе, который они пили перед вылазкой.

А потом она отстранилась. Открыла глаза. Посмотрела на него — долго, изучающе. И ничего не сказала.

— Я... — начал Франц.

— Иди домой, — тихо сказала она.

И скрылась в подъезде.

Франц стоял под фонарём, смотрел на закрытую дверь и улыбался. Всё внутри пело, искрилось, ликовало. Он только что поцеловал её. Он только что рискнул всем. И выиграл.

Потом сел на мотоцикл и поехал домой. Ветер бил в лицо, но он не чувствовал холода. Внутри горел огонь.

«Это прорыв, — думал он. — Даже если всё кончится прямо сейчас, я это сделал. Я добился этого поцелуя. Я был с ней. Я чувствовал её».

Он не знал, что будет завтра. Не знал, напишет ли она. Не знал, сломается ли всё или, наоборот, станет крепче. Но в эту минуту, летя по пустынным улицам спящего города, Франц был абсолютно, беспричинно, бесконечно счастлив.

Потому что он любил. И потому что его любили. Пусть не так, как он хотел, пусть со страхом и сомнениями, но любили.

А значит, война ещё не выиграна.

На следующее утро Франц проснулся с улыбкой. Вчерашний поцелуй до сих пор горел на губах, и, закрывая глаза, он снова чувствовал тепло её лица в своих ладонях. Он вскочил с лежанки, наскоро умылся и, едва дождавшись, когда мать с сёстрами разойдутся по делам, побежал к дубу.

В дупле лежал конверт. Сердце забилося чаще.

Он развернул записку дрожащими руками. И прочитал:

«Я так не могу. Это неправильно. Мы либо друзья, либо никто. Я обещаю, что ни при каких условиях это больше не повторится! Пойми: если мы пойдём дальше, будет только больше, и это точно кончится расставанием. Помни, у нас великая цель. Маленькими шажками, но мы приближаем конец этого гитлеровского режима. Ханна».

Франц перечитал записку раз, другой, третий. Слова расплывались перед глазами. Он прислонился спиной к дубу и медленно сполз по коре на землю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.